

776 - 1896

ΟΛΥΜΠΙΑΚΟΙ ΑΓΩΝΕΣ

LES JEUX OLYMPIQUES

ΑΘΗΝΑΙ - ΑΘΗΝΕΣ

ΚΑΡΟΛΟΣ
Ε.

Афины весной 1896 года¹

АННОТАЦИЯ

В статье приведены воспоминания о первых Олимпийских играх современности, которые были проведены в 1896 г. в Афинах, нашего выдающегося соотечественника А. Д. Бутовского – одного из инициаторов возрождения современного олимпийского движения конца XIX в., члена первого Международного олимпийского комитета, выдающегося специалиста в области теории и методики физкультурного образования и системы подготовки специалистов по физическому воспитанию и спорту в военных и гражданских учебных заведениях.

Ключевые слова: Олимпийские игры 1896 г., Алексей Бутовский, возрождение Олимпийских игр, первые Олимпийские игры современности.

SUMMARY

The article presents the reminiscences about the first modern Olympic Games, which were held in 1896 in Athens, written by our outstanding compatriot A. D. Butovsky, who was one of the initiators of the revival of the modern Olympic movement of the late 19th century, the member of the first International Olympic Committee, a prominent expert in the field of theory and methodology of physical education and of the system for training of professionals in physical education and sports in military and civilian educational institutions.

Keywords: 1896 Olympic Games, Alexey Butovsky, the revival of the Olympic Games, the first Olympic Games in the modern era.

Прожив несколько месяцев за границей и переезжая с места на место, я не имел возможности регулярно читать русские газеты, а потому не знаю, что у нас писалось об Олимпийских играх; не знаю даже, писалось ли о них вообще что-нибудь. Во всяком случае, думаю, что удовлетворю любопытство немалого числа русских читателей, представив здесь, по возможности, полную картину этого события, на основании личных и весьма близких собственных моих наблюдений. Я называю Олимпийские игры событием, потому что таковым они представляются теперь, по их окончании, всем на них присутствовавшим, как грекам, так и иностранцам, и именно окраску события получили они почти во всех корреспонденциях, расходившихся в то время из Афин по всем концам земли.

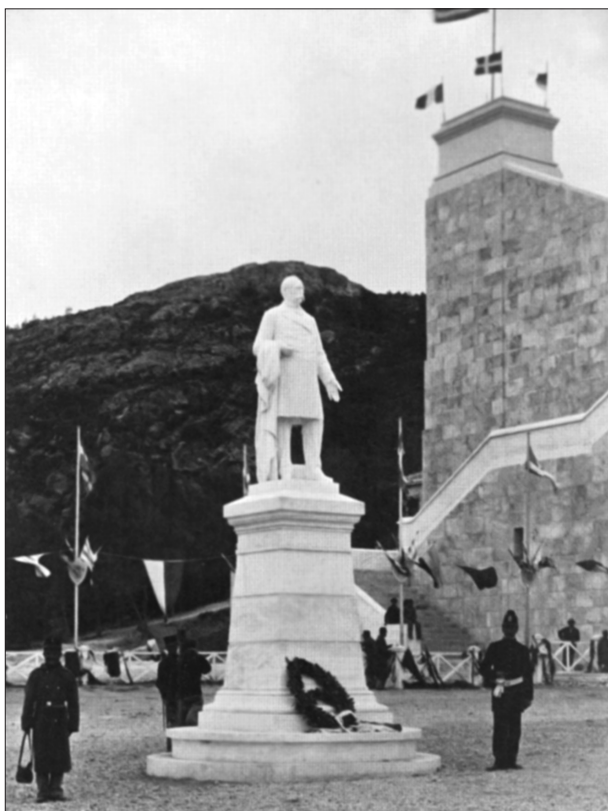
Прежде всего, Олимпийские игры удались. Все мы, имевшие к ним некоторое отношение, ехали сюда с сомнением. Мы знали, что, несмотря на очень деятельные приготовления, возобновляемый Панафинейский стадион не был еще вполне окончен; некоторые части его возводились временно, наскоро, из дерева вместо мрамора, который, по первоначальному предложению, должен был служить ему единственным материалом. Подобные программы состязаний только что еще разрабатывались в самые последние дни. Мы знали также, что сама идея возобновления Олимпийских игр не везде была встречена с тем доверием, которое служило бы ручательством за их успех. У нас, например, стеснялись даже говорить об этом без снисходительной улыбки. Но и там, где дело было принято серьезно, оказались течения, враждебные Играм. У немцев по этому поводу возникла целая литература, большие споры, в которых с более или менее вескими основаниями высказывались самые крайние мнения за и против Игр. Так, вожди немецкого турнершафта решительно отказались участвовать в Играх потому, во-первых, что первая идея Игр принадлежит французам, во-вторых, что немцы не были приглашены

на парижский атлетический конгресс 1894 г. и не имели представителя в международном комитете Игр; наконец, они утверждали, что идея немецкого Turnep совершенно противоречит тем упражнениям спорта, которым отводится главное место на Играх. Вообще же говорилось, что немцам нечего там делать и что участие в Играх для немцев будет даже актом непатриотическим. С немцами дело кое-как уладилось, благодаря тактическому поведению греческого комитета Игр; но опять бельгийцы решительно отказались принимать участие в Играх, находя их вредными для молодежи в педагогическом отношении. Кое-где высказывалось также мнение, что Греция – государство бедное, что оно приняло на себя осуществление такой задачи, выполнить которую оно не в состоянии, и пр. Громко раздавались, конечно, и мнения в пользу Игр; но все эти споры, возбуждая страсти, не могли не поселить в общественном мнении сомнения в целесообразности предстоящего торжества и в благоприятном его исходе.

Такое именно настроение сомнения встречал я везде на пути в Грецию: и в Вене, и в Пеште, и на русском пароходе из Константинополя в Пирей, на котором ехало много греков из России, стеснявшихся сознаться, что они едут именно по случаю Игр.

В Афинах к концу Страстной недели мы застали большие приготовления. Этот и без того белый и опрятный город прибрался, почистился. Чрезвычайное обилие флагов, щитов. Народный небесно-голубой цвет придает даже особенный голубоватый колорит главным улицам. Огромные приготовления к иллюминации улиц, скверов, площадей. В последние дни Страстной недели движение по улицам большое. С пятницы уже неприличным людям начинают надоедать хлопушки и выстрелы, которыми греки имеют обыкновение встречать светлый праздник. Но и в самой Греции, в руководящих сферах, мы не встретили на первых порах твердой уверенности, что Игры пройдут с желаемым успехом. Жаловались, что съезд иностранцев пока весьма незначителен, и опасались, как бы Игры не утратили своего международного характера.

¹ Бутовский А. Д. Избр. тр.: в 4 т. – К.: Олимп. лит., 2009. – Т. 4. – С. 6–57.

Открытие памятника меценату Георгию Аверову, пожертвовавшему миллион драхм на восстановление Панафинейского мраморного стадиона

И тем не менее Олимпийские игры прошли с выдающимся, можно сказать с исключительным, успехом.

Прежде всего, оказалось, что к первому дню праздника в Афины собралось приезжего народа если и немного, то все-таки довольно, чтобы придать Играм международный характер. В лучших отелях стал ощущаться недостаток в помещении. Кое для кого греческий комитет Игр должен был озаботиться частными квартирами. Большинство прибывших были, правда, греки, проживающие в торговых центрах средиземного побережья: Марселе, Генуе, Александрии, Смирне, Константинополе, Одессе. Это тяготение к родной стране составляет характерную черту греков, проживающих за границей. Но немало приехало также и чужеземцев. Были тут, конечно, и досужие туристы, американцы или англичане, отбывающие свой сезонный вояж по европейскому югу и африканскому северу и завернувшие в Афины только по пути; но были также и люди, приехавшие именно по случаю Олимпийских игр. Между последними указывали на несколько известных имен в литературе, на общественной деятельности, в педагогике.

Потом, иностранцам нетрудно было сразу же убедиться, что греческий комитет

Игр сделал все возможное, чтобы обеспечить торжеству широкий международный характер. Если и не все подробности были закончены, то приготовления были хорошо обдуманы и выполнены в грандиозных размахах. Ожидались только люди, способные внести жизнь в эти широкие рамки. Это на первых же порах подействовало на всех ободрительно. Даже местная пресса, критиковавшая до того времени распоряжения комитета, переменяла тон.

Всех приезжих к первому дню праздника насчитывали свыше семи тысяч. Из них до шести тысяч греков из-за границы и из провинций; международных гостей до полуторы тысячи.

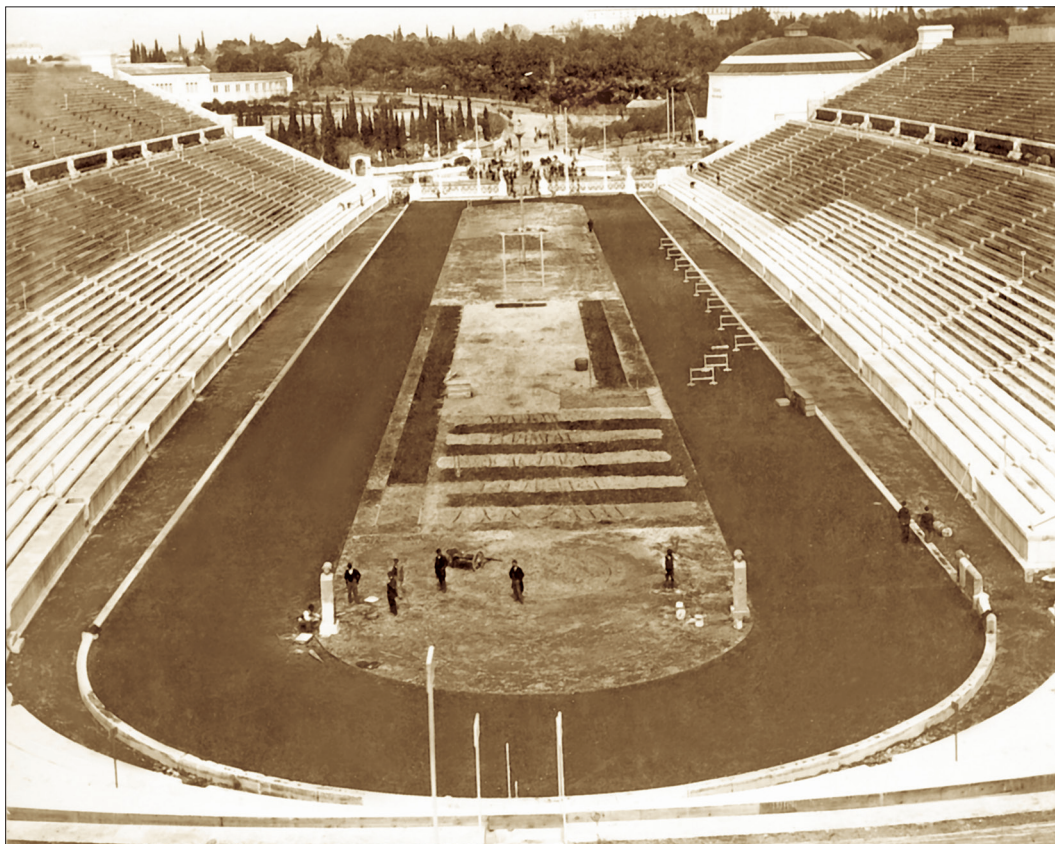
Прибывавшие атлеты записывались в бюро комитета, с представлением удостоверения, что они не профессиональные исполнители упражнений. И здесь греческий элемент был господствующим; но это и понятно, так как греки находились в гораздо лучших условиях тренировки сравнительно с приезжими: они могли подготовляться на самих местах состязаний. Безусловно точных сведений о числе атлетов я не имею, но, насколько можно доверять ежедневным программам состязаний и другим случайным сведениям, они распределяются по национальностям та-

ким образом: американцев – 22, англичан – 13 (в том числе один из Австралии), французов – 15, немцев – 22, австро-венгров – 20, датчан – 4, шведов – 3, швейцарцев – 1, болгар – 5, итальянцев – 3, русских – 1, греков – 110. Таким образом, всех изъявивших желание участвовать в состязаниях я насчитываю 219 человек; из них, однако же, до 10% не появлялись на арене, в том числе все три итальянца и наш русский атлет.

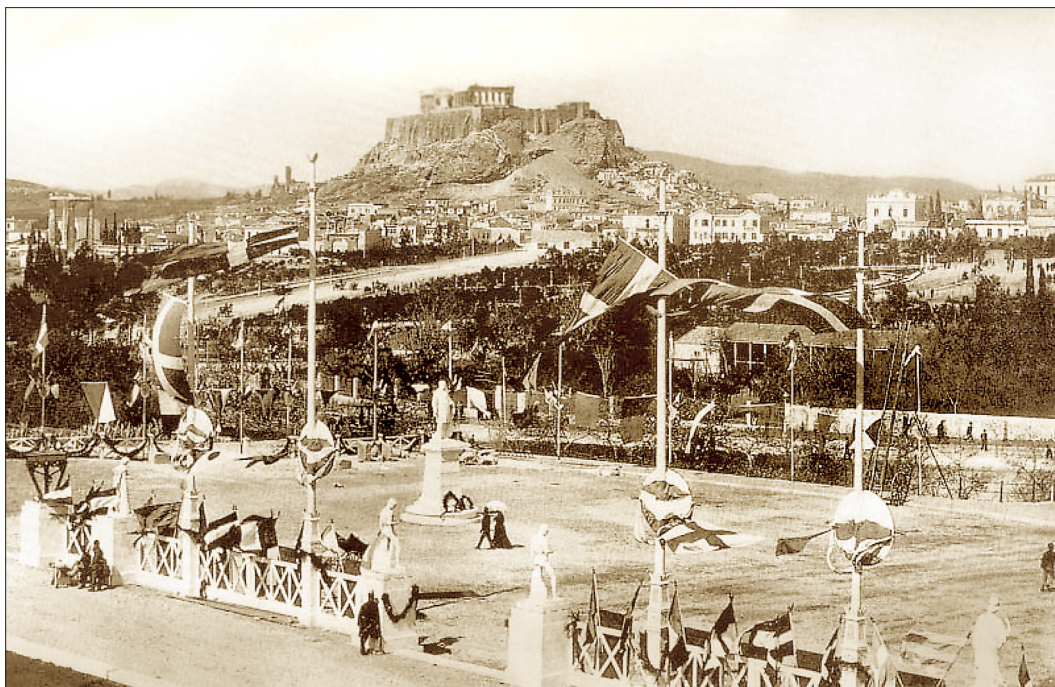
В числе именитых иностранцев, прибывших на Игры, пресса отметила известного французского проповедника, pere Didon. В первый день праздника он говорил проповедь в афинской католической церкви и коснулся в ней предстоящих празднеств. Вот как определил он их значение: «Сопутствуя нескольким молодым людям французской школы Albert le Grand, прибывших на это торжественное празднование Олимпийских игр, я хотел, почему же мне не признаться в том здесь, в храме, воздать должное древнему гению Греции, потомками которого мы, жители запада и латини, всегда охотно себя признавали. Мне хотелось также быть причастным к этому развитию физической силы, столь совершенный пример которого дала нам Греция и который должен все более и более входить в воспитание человека как необходимый элемент. Наконец, я хотел ввести вверенное мне юношество в это движение к международному единению, которое представляется мне первым шагом к братству народов и к тому нравственному единству, которое Христос впервые формулировал, как великую цель духовного царства...» Слова эти были как бы первым откликом того действительного миролюбивого и даже несколько повышенного настроения, каким отличались афинские торжества.

Прологом к Олимпийским играм было открытие статуи Аверова, пожертвовавшего миллион драхм на возобновление Панафинейского стадиона. Статуя поставлена у входа в стадион. Открытие состоялось в первый день праздника, 24 марта. Сам Аверов, человек старый и скромный, не прибыл из Александрии, своего постоянного местопребывания, но в эти дни имя этого патриота было, без сомнения, одним из популярнейших имен в Афинах. Везде, в эстампных и книжных магазинах, на каждом перекрестке, вам предлагались его портреты и биография. В периодической прессе вы постоянно наталкивались на заметки и статьи, имеющие к нему отношение.

Панафинейский стадион перед открытием Олимпийских игр. Мраморные сидения удалось установить лишь частично

Главный вход на Панафинейский олимпийский стадион

Открытие статуи произошло с подобающей торжественностью. Народа было много. Были члены всех комитетов и комиссий, как греки, так и иностранцы. Секретарь греческого комитета Игр, Тимoleon Филимон, произнес похвальную речь, сам королевич,

председатель комитета, сдернул покров с этой беломраморной статуи во весь рост. Несколько делегаций положили к подножию статуи лавровые венки. К концу церемонии пошел проливной дождь и заставил, было, опасаться за успех следующего дня – перво-

го дня Игр. Но к вечеру погода прояснилась, зажгли иллюминацию, народ высыпал на улицы, в скверах заиграла музыка. Иностранцам представился первый случай для знакомства с афинским населением. Чувствовалось обоюдное любопытство и то лег-

кое напряжение, которым оно обыкновенно сопровождалось. Город весело начал серию праздничных дней...

II

За несколько дней до открытия Игр греческий комитет издал программу всех предложенных торжеств с распределением их по дням. Привожу эту программу целиком:

1-й день. Понедельник, 25 марта.

3 ч. дня. Стадион. Открытие Олимпийских игр. (Предварительные состязания в беге на 200, 400 и 800 метров; тройной прыжок; метание диска).

Вечером. Заря военной музыки и оркестров филармонических обществ. Шествие с факелами городских корпораций.

2-й день. Вторник, 26 марта.

10 ч. у. Цаппион. Фехтование.

3 ч. д. Стадион. Атлетические игры (бег на 110 м с препятствиями; прыжок в длину; окончательный бег на 400 м; кидание и поднимание тяжестей; бег на 1.500 м).

Вечером. Иллюминация Акрополя.

3-й день. Среда, 27 марта.

10½ ч. у. Открытие стрельбища. Состязания в стрельбе.

1 ч. д. Велодром. Состязание на 100 километров. Лаун-теннис.

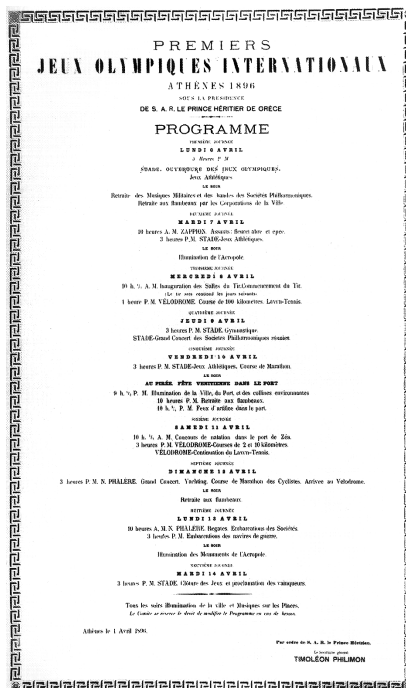
4-й день. Четверг, 28 марта.

3 ч. д. Стадион. Гимнастика. Окончательный бег на 800 м. Большой концерт соединенных филармонических обществ.

5-й день. Пятница, 29 марта.

3 ч. д. Стадион. Атлетические игры (окончательный бег на 100 м; прыжок в высоту; окончательный бег на 110 м с препятствиями; прыжок с шестом; борьба). Прибытие состязающихся в марафонском беге.

Вечером. В Пирее. Венецианский праздник в порту: 9½ ч. иллюминация города и

Программа Первых Международных Олимпийских игр (Афины, 1896 г.)

окружающих высот; 10 ч. шествие с факелами; 10½ ч. фейерверк в порту.

6-й день. Суббота, 30 марта.

10½ ч. у. Состязание в плавании в порту Зеа.

3 ч. д. Велодром. Состязание на 2 и 10 километров. Продолжение лаун-теннис.

7-й день. Воскресенье, 31 марта.

3 ч. д. Фалерон. Большой концерт. Гребная гонка. Марафонское состязание циклистов: прибытие в велодром.

Вечером. Шествие с факелами.

8-й день. Понедельник, 1 апреля.

10 ч. у. Фалерон. Парусная гонка. Частные суда.

3 ч. д. Военные суда.

Вечером. Иллюминация памятников Акрополя.

9-й день. Вторник, 2 апреля.

3 ч. д. Стадион. Закрытие Игр и провозглашение победителей.

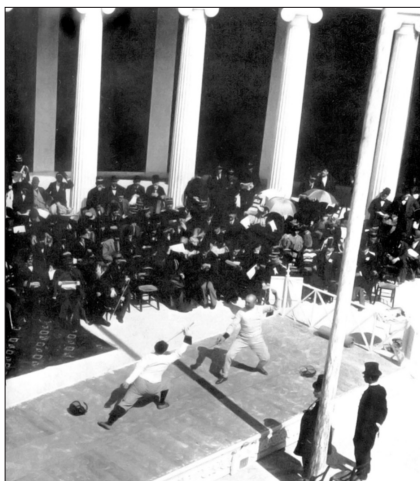
Каждый вечер иллюминация города и музыка на площадях.

Под конец программа эта была изменена, но несущественно. Так, парусная и гребная гонки совсем не состоялись по случаю сильного ветра; закрытие Игр последовало не во вторник, а в среду, тоже по случаю погоды. Все остальное было исполнено по предположению.

День открытия Игр, понедельник Светлой недели, совпал с празднованием 75-летней годовщины освобождения Греции от турецкого ига. Утром королевская семья была в соборе на торжественном богослужении, был парад, но это прошло как-то без особенной связи с Играми. За несколько минут до срока, назначенного для открытия Игр, у входа в стадион, или для встречи короля собрались лица, имеющие отношение к организации Игр. Члены Международного комитета (нас приехало в Афины 7 из 14) прибыли к стадиону все вместе, прямо с первого заседания, и глазам нашим представилось чудесное, невиданное в наше время зрелище. Надо составить себе понятие о том, что такое стадион. Представьте себе естественную продолговатую котловину, открытую на одном из своих концов. Дно этой котловины — почти правильный эллипсис, это арена. По окружности арены идет путь для состязаний в беге. Внутреннее ее пространство предназначено для других атлетических состязаний: прыжков, метания, борьбы, гимнастических упражнений.

Выставочная галерея, где проходили соревнования по греко-римской борьбе и фехтованию — Цаппион

Соревнования фехтовальщиков проводились в присутствии членов королевской семьи

В глубокой древности зрители так и сидели по склонам этих гор, на голой земле. Но потом эти склоны стали одевать мраморной одеждой, непрерывно окружающей арену в виде необъятной воронки, состоящей из расположенных друг над другом ярусов сидений. Все это – под открытым небом. Так вот именно Панафинейский стадион (у самого города, с юго-восточной его стороны), одно из величайших сооружений в этом роде. Арена его имела около 200 метров длины и до 50 метров ширины. Выходом своим он открывается к городу, на берег речки Илисса.

И вот, этот амфитеатр стадиона, вмещающий на своих ступенях до 50 тысяч зрителей (при необходимости даже до 70), был переполнен народом. Не только внутренние места, но и вся окружающая местность, покатоги и холмы над амфитеатром, кишели густо сплоченной массой. Весь город и окрестности переселились на это время к стадиону. Было что-то подавляющее в этой сплошной массе народа, как пеленой покрывшей и белые ступени амфитеатра, и зеленые окрестности. Как-то сразу стало понятно, что один уже этот интерес толпы, добровольно сюда собравшейся, способен возвести это новое дело, все равно, как бы оно низменно ни было задумано и исполнено, на степень настоящего, серьезного события. Впечатление было захватывающее. Люди с несколько восторженным складом мыслей, отдаваясь впечатлению этой грандиозной картины, говорили, что сегодня, здесь, они переживают знаменательный момент, долженствующий обусловить собой новое направление в культурной жизни народов.

Ровно в назначенный час музыка почетного караула у входа в стадион возвестила о прибытии королевского семейства. Сотысячная толпа примолкла, встала, головы обнажились. Король, с выражением благодушия и благоволения, раскланиваясь направо и налево, в сопровождении королевы, принцев, принцессы Марии и ее

нареченного жениха, Великого Князя Георгия Михайловича, сопровождаемый высшими сановниками государства, дипломатическим корпусом и комитетом Игр, греческим и международным, при звуках народного гимна медленно прошел по арене, по всей ее длине, и занял место в головном почетном закруглении амфитеатра. Все взоры с ожиданием обратились к этому головному пункту. Королевич Константин, стоявший во главе греческого комитета Игр, вышел к центру закругления и внятными, громким голосом произнес краткую речь, в которой, упомянув о том, что греческому народу выпала счастливая судьба возобновления учреждения, имевшего такое высокое и благородное значение в жизни его предков, засвидетельствовав, что все приготовления к предстоящему торжеству окончены и что собравшийся народ и иностранные гости ждут только санкции Его Величества для начала первых возобновленных Олимпийских игр. В словах его прозвучала прочувствованная патриотическая нота и еще раз, теперь уже с большой высоты и перед народом, была высказана надежда на объединяющее международное значение совершающегося торжества.

– Дай Бог, о, король, – сказал он с большой искренностью в выражении, – чтобы возрождение Олимпийских игр скрепило узы взаимной дружбы эллинского народа с

Велодром в Нео Фалеро

Старт 100-километровой велосипедной гонки

другими народами, представителей которых мы имеем счастье принимать здесь... Дай Бог, чтобы оно подняло телесные упражнения и народное чувство и чтобы оно способствовало образованию нового греческого поколения, достойного своих предков.

При общих восторженных криках многотысячной толпы король провозгласил открытие «Первых Международных Олимпийских игр в Афинах».

Немедленно за тем соединенными оркестрами, военными и филармоническими обществ, расположенными в самой середине стадиона, была исполнена торжественная кантата, написанная именно по этому случаю греческим композитором Самарой.

Кантату по требованию публики повторили. Когда все замолкло, раздалась призывная труба вестника Игр; вышли первые атлеты и начались состязания первого дня.

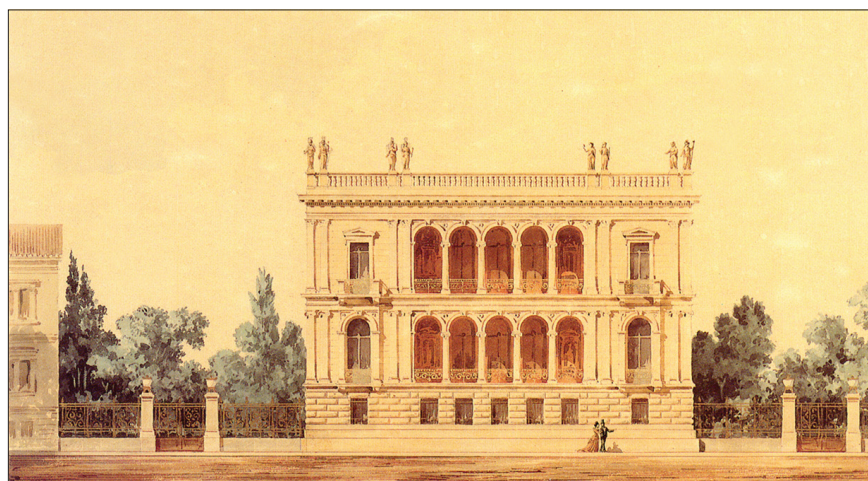
Еще два слова о стадионе. Огромные размеры амфитеатра, многочисленность покрывающей его толпы, которую ни в каком случае нельзя назвать публикой, так как это целый народ, все это так противоречит обычной обстановке наших зрелищ, что, на первый взгляд, не понимаешь, какого же рода зрелище, какого рода представление может отвечать этой обстановке. Музыка, если она хоть немного рассчитана на акустические эффекты концертной залы, теряет тут все свое значение. Человек на этой арене кажется слишком малым и незначительным и едва ли достойным напряженного внимания двухсот тысяч сосредоточенных на нем глаз. Но это только до тех пор, пока он находится в бездействии. С первого раза, как вам придется видеть тут бодрую, исполненную

мужества и силы молодежь, вы начинаете понимать, что нет арены, более отвечающей тому крайнему, иногда невероятному напряжению нравственной и физической энергии, какое мы видим в атлетическом состязании. Древние не ошибались в архитектуре своих цирков. Я не говорю уже, что простор нужен для таких упражнений, как бег, метание, что он нужен для большого числа участников; он требуется самым характером атлетических игр: замкните вы атлетическое состязание со всеми его перипетиями в нашу современную зрительную залу – оно непременно представится вам несоразмерным, преувеличенным, грубым. Ему нужен простор. И если это состязание не профессиональное, если на него выходит наша лучшая молодежь, будущие деятели на всех поприщах общественной жизни, то оно достойно несметного числа зрителей, достойно того эн-

Француз Поль Мессон — трехкратный олимпийский чемпион в велосипедном спорте (с лентой через плечо)

тузиазма, который по временам охватывает эту толпу, так как служит ей свидетельством здорового и мужественного воспитания этой молодежи.

Дворец легендарной Трои — дом немецкого археолога — исследователя античной культуры — Генриха Шлимана (1822—1890)

III

Я не буду утомлять читателей подробным описанием хода всех поименованных в программе состязаний. Техническая сторона устройства различных конкурсов достаточно известна даже и нашим спортсменам, а потому на ней нечего останавливаться. Отмечу лишь некоторые характерные особенности и замечательнейшие моменты Игр с целью восстановления общей картины этого международного празднества.

Как видно из программы, не все роды (виды) Игр имели место в стадионе. Тут производились только состязания чисто гимнастического характера. Для дополнительных состязаний были назначены другие, более соответствующие им места. Так, для фехтования выбрали светлую ротонду в великолепном здании постоянной выставки, Цаппионе, построенном также одним из общественных благотворителей, чужестранным греком Цаппа; для стрельбы было специально устроено по случаю Игр особое стрельбище, по дороге в Фалерон; для состязаний на велосипеде был сооружен велодром в Фалероне; плавание, гребля и парусная гонка были назначены в малом Пирейском порту и в бухте Фалерона. Таким

образом, в некоторые дни стадион оставался свободным по случаю переселения публики в Фалерон или в Пирей.

Король и его семейство ежедневно присутствовали на всех состязаниях, где бы они ни происходили, открывая их и с видимым интересом следя за ними до самого их конца². На третий день праздника в Афины прибыл сербский король и в течение всей недели своего пребывания неизменно появлялся на состязаниях вместе с королевской семьей. Несколько дней прожили здесь и тоже посещали Игры австрийский эрцгерцог Карл-Людвиг и эрцгерцогиня Мария-Терезия с двумя дочерьми. На раздаче призов был брат египетского хедива.

Королевич Константин как председатель греческого комитета Игр и принц Георг, второй сын короля Георга, в звании председателя всех экспертных комиссий (жюри), обыкновенно все время находились на арене, среди экспертов и атлетов. Принц Николай, третий сын короля, самостоятельно заведовал состязаниями в стрельбе. Приветливое и открытое обращение этих трех великолепных принцев со всеми, кто имел к ним

² Королева, с третьего дня праздника, по болезни, в публике не показывалась.

какое-либо отношение, прекрасное знание ими иностранных языков, позволявшее им говорить почти с каждым на его родном наречии, все это с первого же дня привлекло к ним всеобщее расположение.

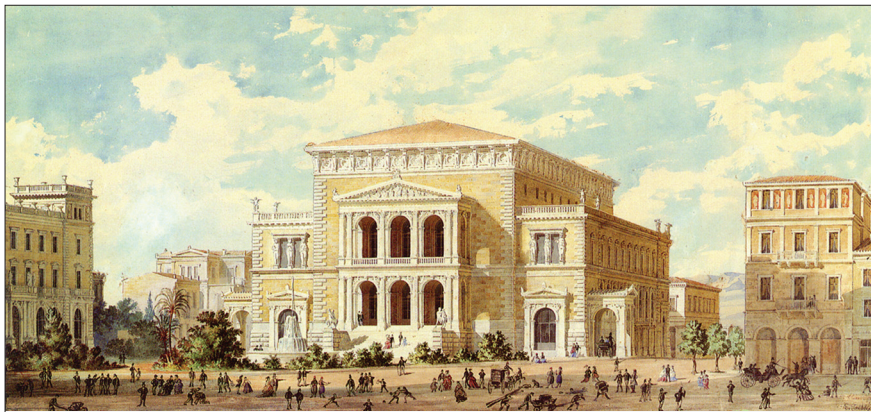
Я думаю, что верно передам общее впечатление всех бывших на Играх, если скажу, что благодаря именно душевному интересу королевского семейства ко всему этому торжеству это последнее, во-первых, получило неожиданный для него блеск, во-вторых, все время носило на себе характер известного единомыслия, характер общего дела всего собравшегося народа, дела, успеху которого каждый, и зритель, и участник, и распорядитель, без различия национальностей и общественного положения, готов был содействовать, насколько это от него зависит. Все симпатии были обращены к центру, и все умиротворялось тем благодушием и тактом, которые из него исходили. Прекрасно держали себя также и представители афинского общества. Они сделали все возможное, чтобы пребывание в Греции оставило добрые воспоминания у иностранцев. Это было поставлено как бы в патриотический долг и много способствовало тому впечатлению полного удовлетворения, какое действительно вынесли иностранцы из этого первого празднества Олимпийских игр.

Следует указать также и на то, что иностранцам с первого же дня бросилась в глаза известная рода порядочность афинской толпы. Стадион не каждый день бывал в такой же степени переполнен народом, как в день Игр. Но вообще народу было всегда много, так много, что приходилось удивляться неустанному его интересу к состязаниям. В день же марафонского бега стечение народа так же велико, как и в день открытия, и многим тысячам любопытных пришлось смотреть сверху, с гор, за полным отсутствием мест в амфитеатре. Множество народа толпилось по соседству, на берегах Иллисса и в скверах Цаппиона. Но замечательно, что при всем этом многолюдстве ни при входе в стадион, ни при выходе из него — никакой давки, никакого замешательства. Отчасти это можно приписать отлично организованному надзору за порядком: 40 офицеров из наиболее образованных и владеющих иностранными языками и 200 нижних чинов под командой почтенного полковника Метакса, директора афинской военной школы, составляли полицию стадиона и других мест зрелищ. Офицеры распорядились прекрас-

Дворец музыки
(Афины, 1896 г.)

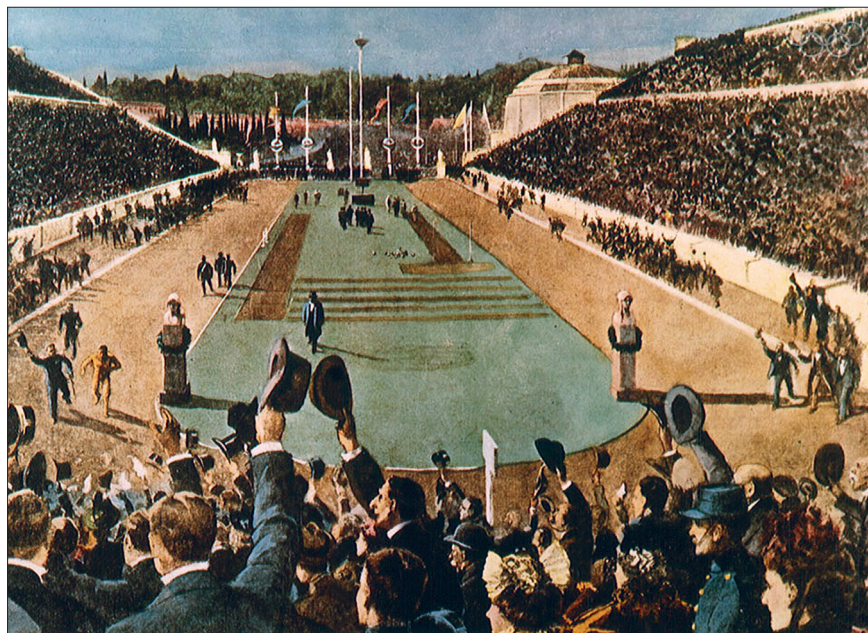
Городской театр
(Афины, 1896 г.)

Состязания в плавании
в порту Зеа

Марафонскую дистанцию завершает Спиридон Луис (результат 2:58.50,0). Свидетелями этой триумфальной победы были члены МОК Алексей Бутовский и Виктор Бальк

но, но многое надо отнести к характеру самого населения.

Результат каждого состязания возвещался народу флагом той национальности, к которой принадлежал победитель. Флаг этот поднимался на высокую мачту у входного конца стадиона, и появление его, каких бы он ни был цветов, всегда вызывало сенсацию во всей массе зрителей. Южный темперамент, конечно, сказывался тут теми быстрыми взрывами оживления, какими сопровождалась различные перипетии состязаний. Успех соотечественника, грека, приводит эту массу в восторг, выражающийся

жестикуляцией, громкими возгласами (греки вообще крикливы); неудача отражается на ней видимым упадком настроения; то там, то здесь слышатся возгласы обманутого ожидания; но и за состязующимися других национальностей она следила также с большим интересом. Всякий успех приветствуется ею очень радушно. Вообще, несмотря на живость и демонстративность в выражении чувств, эта греческая масса, по общему замечанию, имеет редкую способность держать себя в границах и веселиться миролюбиво. Так же точно и по вечерам на улицах во время иллюминаций и факельных шествий в

густой толпе нет ни одного пьяного. Веселье самое добродушное. Гуляющие не рискуют натолкнуться ни на какую неприятность. Полиции не заметно, да ей тут нечего и делать.

Зрители других национальностей тоже громко выражали иногда симпатии своим соотечественникам и с шумной радостью приветствовали свой флаг. Было тут и немецкое hoch, и английское hurra, и vive la France... Особенно обращало на себя внимание оригинальное приветствие американцев. Вначале эти ритмические вскрикивания резали ухо и вызывали веселый смех, но полное равнодушие американцев к воз-

Бухта Фалерона

Победители Игр I Олимпиады

Парад победителей на церемонии закрытия Игр I Олимпиады

буждаемому ими волнению скоро помирило толпу с этими странными звуками.

До меня доходили слухи, будто бы в наших газетах говорилось о тотализаторах на Олимпийских играх. Странно, что такие известия могли распространиться тут, у нас, тогда как там, на самом месте, ни о каких тотализаторах не было даже и речи, да они были и нелепы при том редком в наше время настроении истинной порядочности, каким отличались афинские празднества.

IV

Теперь следует поговорить о главных деятелях торжества, об атлетах. Кто бывал в этом обществе, тот знает, что оно отличается во-

обще весьма характерными и симпатичными чертами. Прежде всего, это молодежь. Она собралась сюда отовсюду, чтобы всенародно и добровольно проявить такие акты нравственной и физической энергии, какие в практической жизни, даже человеку обреченному на физический труд, приходится проявлять разве случайно, в самые критические минуты жизни. Она прибыла готовая к этому, тренированная. Вот почему обыкновенно это народ бодрый, закаленный, с тем оттенком уверенности в своих силах, который дает возможность спокойно и жизнерадостно смотреть на мелочные и прозаические явления повседневной жизни. Все они всецело поглощены интересами предстоящего состязания, а потому это народ деловитый, не расточающий запаса своих сил на какие-нибудь шумные и беспорядочные развлечения и удовольствия. Многие ради тренировки ведут строго размеренный и скромный образ жизни. Вообще это люди спокойные и в общественных своих отношениях очень уживчивые. Наконец, что, может быть, важнее всего, это не профессиональные атлеты, а любители. Атлетизм для них не ремесло, а любимое дело, которому они посвящают свои досуги. Они не только не смотрят на него как на занятие, дающее какую-нибудь материальную выгоду, но, напротив, сами приносят ради него материальные жертвы, обставяя его известными требованиями удобства и изящества в костюме, в снарядах, в обстановке своих

клубов и обществ, и наконец, расходясь на отдаленные путешествия. Аматеризм, как называют это англичане, в отличие от профессиональных занятий упражнениями, стоял капитальным условием для допуска к участию в Олимпийских играх. Поэтому в огромном большинстве — это люди хорошего общества, хорошего воспитания и образования.

Есть у них также и национальные черты, и известные особенности, налагаемые самим видом практикуемого спорта. Лучше всего это можно было наблюдать в Афинах, при небывалом еще в наше время разнообразии национальностей прибывших атлетов и спорта. Особенно заметно выделялись тут американцы, немцы и греки. Американцы, по большей части, — члены спортивных ассоциаций североамериканских университетов, следовательно, люди высшего образования, имеющие в перспективе и умственную деятельность, и выдающееся общественное положение. Но в настоящее время — это спортсмены в самом полном значении этого слова. Держат себя с достоинством, как джентльмены. На арене всегда безукоризненны в костюме, с отличительными знаками и шифрами своих ассоциаций, как на регламентарном трико, так и на верхнем плаще, в который они завертывают себя во время антрактов. Единственный признаваемый ими на арене авторитет — это жюри. Публика их не волнует и не стесняет. Между двумя упражнениями они без стеснения ложатся отдыхать на песке арены. Отзывчивы на приятельское обращение и в ответ на доброе слово не прочь похлопать по плечу самое высокопоставленное лицо. Виды спорта, в которых они по преимуществу тренированы, — это бег, прыжки, метание и кидание тяжестей. Во всех упражнениях они дали победителей. Вообще это молодежь,

Спиридон Луис на параде

Иллюстрированный каталог Греции времен проведения Олимпийских игр, 1896 г.

хорошо сложенная, видная, сухощавая. Едва ли старший из них перешел за 25-летний возраст.

Совсем иное впечатление производят германские атлеты, в особенности же члены той *equipe allemande*, которая в день гимнастики проделывала общие индивидуальные упражнения на немецких снарядах. Это народ коренастый, не рослый, совсем не гибкий, широкоплечий, может быть даже сутуловатый. Тоже молодые люди, но есть между ними и такие, которые перешли уже за 30-летний возраст, по крайней мере, если судить по наружности. Атлетическая школа их не в аматерском тренировании к тому или другому роду естественнейшего для человека упражнения, а в регулярном посещении *Turnhalle*, с его *Reck* и *Barren*, с *Hang-* и *Stemmubungen*, с *Reigen*, с песнями и с картинными атлетическими группами. Костюм их изяществом не отличается; незатейливое одноцветное трико с рукавами во всю руку и обыкновенные панталоны. Если немец вообще человек коммерша, ферейна и патриотической исключительности, то немецкий турнер обладает этими качествами в высшей степени. *Turnen* для немца — дело народной гордости.

Вышли они на свои общие упражнения строем, бодрым немецким маршем, в пунктуальном порядке, и шли, как будто священнодействовали. Упражнения под об-

Сертификат участника Первых Международных Олимпийских игр 1896 г. Автор разработки Николаос Гизис

щей командой фортурнера Гофмана — очень замысловатые и в окончательном результате бьющие на общий картинный эффект. Очевидно, они давали зрителям *Vorstellung*, к которому так наклонны немцы в своих турнферейнах и даже в школе. Ужасно много цепкости: руки, как клещи, лица краснеют от напряжения, но, вместе с тем, чрезвычайная точность, согласие и добросовестность. Все это производит большую сенсацию в немецком элементе зрителей (а таковой есть в Афинах и в высших сферах и отчасти в обществе); говорят даже, германскому императору была послана по этому случаю телеграмма.

Упражнения турнерского характера, без сомнения, впервые еще проделываются при обстановке древнегреческих игр. *Barren*, *Reck* и пр. впервые еще фигурируют на грандиозной арене стадиона и, пожалуй, что они больше на своем месте в *Turnhalle*, и именно в немецком *Turnhalle*, чем здесь. Букет турнерских упражнений здесь не требуется. Состязание принимает слишком серьезную форму, и вовсе нет места для той интимности ферейнов, с их сигарами и пивом, с их патриархальными турнвартами и лихими фортурнерами, которая так содействовала развитию этих упражнений. Но хорошо, что они здесь появились. Это, во всяком случае, шаг к согласованию и к объединению различных направлений в физическом образовании молодого поколения.

Некоторые немцы-турнеры участвовали и в других состязаниях: бег, прыжки, метание диска, кидание тяжестей. Один из них остался даже победителем в борьбе. Трудно судить, насколько *Barren* и *Reck* способствовали искусству этого последнего в единоборстве. Вероятно, способствовали, что касается собственно сильного обхвата руками (*ceinture*). Но далеко не всякий турнер будет непременно ловок в беге, свободном прыжке или борьбе. Для этого нужна специальная и прилежная тренировка. Удивительная тренировка Шумана, победителя в борьбе, возбудила даже сомнение, не профессиональный ли он борец. По справкам оказалось однако же, что он любитель.

Что касается греческих атлетов, то прежде всего следует обратить внимание на то обстоятельство, что всего лишь два года тому назад в Греции почти не знали ни спорта, ни гимнастики и что весь этот подъем в пользу телесных упражнений совершился, как говорят, именно в ожидании Олимпийских игр. Если это так, то согласие греческого правительства на устройство первых Олимпийских игр в Афинах сослужило для Греции хорошую службу. Греческие атлеты численностью своей, как уже сказано, превосходили всех остальных вместе взятых. Они принимали участие, в большем или меньшем числе, решительно во всех упражнениях. Даже в общих турнерских

упражнениях одни только они вышли рядом с немцами, причем представили не одну еquire, а целых две. С самого начала Игр они стали обращать на себя внимание хорошей тренировкой и правильными, красивыми положениями во время упражнений. Относительно тренировки оно и не мудрено: они были в лучших условиях. Что же касается известной дилетантской свободы исполнения, то, может быть, это наследственность (греки очень хотят, чтобы за ними она была признана), но вернее, что это новая нарождающаяся школа и отсутствие рутины. В первые дни состязаний (бег на обыкновенные спортивные дистанции, различные роды прыжка, работа с тяжестями и пр.) они оставались, однако же, за флагом. Их побеждали по преимуществу американцы. Между иностранцами стали даже высказываться сожаления, что греки, хозяева, ничего не выигрывают. Стали с интересом ждать того случая, когда, наконец, они покажут себя. Первые взятые греками призы, кроме стрельбы и фехтования, состязаний, производившихся при скромных условиях, были призы за некоторые индивидуальные гимнастические упражнения (кольца, гладкий канат). Надо было видеть, как это оживило народ. Они выказали себя также сильными атлетами и в общих турнирных упражнениях. Хотя немцы и взяли приз, но многие находили, что греческие еquires делали свои упражнения если не с такой серьезной добросовестностью, то, во всяком случае, свободнее и грациознее. Но настоящее, единственное в своем роде торжество греков – была победа в марафонском беге, о котором мы скажем сейчас подробнее.

Атлеты других национальностей – французы, австро-венгры и пр. – имели тоже свои моменты торжества на Играх. Я не описываю этих моментов, так как это завело бы нас слишком далеко. Не могу, однако же, не отметить французской черты в спортивных состязаниях. Велосипедная гонка на сто километров в велодроме. Пробежали уже более 50 километров. За выбытием всех других конкурентов, на арене остаются только француз Фламань (Flameng) и грек Коллетис, юноша, не достигший еще 18-летнего возраста. В самом разгаре состязания в велосипеде Коллетиса замечается какая-то неисправность. Фламань останавливается, изысканно приподнимает свою шапочку и с возгласом: *vive la Grece* дает время противнику привести в порядок свой инструмент.

Понятно, гром рукоплесканий и взрыв одобрительных возгласов. По окончании гонки, в которой Фламань побеждает своего юного противника, публика торжественно выносит их обоих на руках из велодрома.

V

Перебег из Марафона в Афины, тот перебег, который совершил когда-то молодой греческий гонец с известием о победе Мильтиада над персами, считался, по справедливости, самым капитальным номером программы Олимпийских игр. Расстояние между Марафоном и Афинами – 42 километра (то есть около 40 верст); дорога неровная и иногда неудобная, и пробежать такой путь взапуски, действительно, огромный, невероятный подвиг. За несколько дней уже гадали, кто то будет победителем в этом беге. В программе под рубрикой марафонского бега стоит 18 имен. Из них 13 греков, один француз, один американец, один англичанин (из Виктории), один венгерец и один немец (берлинский спортсмен).

Здесь следует сказать, что именно для этого состязания из числа греков записались не одни только члены спортивных ассоциаций, но и лица, по-видимому, вовсе не принадлежащие формальным образом к спорту, а решившиеся на этот исключительный подвиг, движимые уверенностью в своих силах. Конечно, они предварительно не раз испытывали себя на этой пробежке. Бегуны других национальностей были все спортсмены; некоторые из них состязались уже в стадионе на малые дистанции. Конечный пункт марафонского бега был назначен в стадионе, перед трибуной королевского семейства.

В день марафонского бега в стадионе шли и другие состязания, но весь интерес был поглощен предстоящим результатом бега. Все другое отошло на второй план. На бег и прыжки смотрели одобрительно, но, видимо, занимались главным образом не ими. Было даже обидно за прелестных американцев, бесподобно прыгавших с шестом. Какое-нибудь случайное движение у входа в стадион – и вся толпа мгновенно обращает туда взоры. Иные в нетерпении встают, и их надо просить садиться. Ясно, что вся эта несметная толпа народа душой находится на пути из Марафона в Афины и мысленно переживает все случайности и крайности этого гигантского состязания. Но вот на арене появляется запыхавшийся и запыленный офицер. Он только что с коня; он оставил бегунов в 7-ми верстах

от Афин. О решительном результате еще ничего нельзя сказать. Идет борьба между французом и греком. Весть эта мгновенно облетает всю толпу. Состязание в прыжках продолжается, и состязание достойное внимания, но им уже совсем никто не интересуется; то и дело поднимаются смотреть, не видно ли бегущих. Через несколько минут пушечный выстрел – и новый конный гонец; бегуны уже у городской черты и... впереди грек! Все встают со своих мест как один человек, несколько восторженных возгласов, все напряженно вглядываются, как будто можно уже что-нибудь видеть, и затем полное безмолвие самого напряженного ожидания. Наконец, сверху увидели, где-то еще вдали: грек! грек! Неудержимые крики восторга волной распливаются по всему амфитеатру и в окрестностях; махание шапками, зонтиками, флагами, платками, все это растет *crescendo* и вдруг, точно что-нибудь прорвалось, точно были закрыты какие-то двери, за которыми слышался только гул, а тут внезапно их открыли настежь... По арене бежит небыстрым бегом сухощавый человек – причина этого невероятного восторга. Он, очевидно, ничего не слышит; для него есть один только предмет в мире – это конец его бега. От усталости или от пыли смуглое лицо его кажется совсем черным. Король со своей трибуны приветливо махает ему шапкой; но, по-видимому, он и сам взволнован: шапка выпадает у него из рук. Едва этот черномазый человек в запыленном белом трико с голубыми разводами (греческие цвета) приблизился к центру головного закругления, два принца, Константин и Георг, заключили его в свои объятия, расцеловали и подвели к королю. Потом потянулись к нему сотни объятий королевской свиты и других, но мигом откуда то появляется пальто, в которое его тотчас же закутывают сами принцы и ведут в вестиэр. Обратившись с восторгом к одному из греческих офицеров, спрашивая об имени этого человека, мы видим, что по лицу его текут слезы. И плакал не один только этот офицер. Потрясение было всеобщее. Многие сосредоточенно утирали свои лица платками. «*C'est un spectacle que la vie moderne n'a pas encore vu*», говорит мне взволнованным голосом мой уважаемый друг майор Виктор Бальк, профессор гимнастического института в Стокгольме...

Этот человек – Луис, крестьянин, наемный работник на винограднике в деревне

Коллекция марок, выпущенная в честь Первых Международных Олимпийских игр (1896 г.)

а) Серебряная медаль, которой награждались чемпионы Игр Олимпиады (1896 г.). На лицевой стороне медали изображение Зевса, держащего в руке статую богини победы Ники с оливковой ветвью в руках; на оборотной стороне — изображение Акрополя; б) Памятная позолоченная бронзовая медаль (лицевая и оборотная стороны), которой награждались лица, способствующие организации и проведению Олимпийских игр 1896 г.

Амарусси, близ Афин. Но отныне он — народный герой. Он доставил своей стране первенство на Олимпийских играх, первенство, справедливость и необходимость которого признавалась всеми иностранцами, хотя бы уже потому, что Греция была первой страной, давшей у себя место возобновленным Олимпийским играм. Ему в настоящее время 24 года; он отбыл уже воинскую повинность.

Он сделал эти 40 верст марафонского бега в 2 часа 58 мин. 50 сек. Невероятная скорость. Но надо сказать, что и другие, одолевшие этот перебег (1 венгерец и 7 греков) собрались на арене не позже как через час после первого прибывшего. Между ними был один врач, грек Лагудаки, практикующий в Париже.

После всех этих волнений наступила реакция. Все были довольны, но на этот раз уже пресыщены. Началось состязание в борьбе, но за ним следили вяло. Послышались сначала робкие, а потом и более настойчивые голоса: аврионъ! аврионъ! (завтра!) Время склонялось к вечеру, и борьба была отложена на следующий день.

Относительно различных обстоятельств, сопровождавших марафонское состязание в беге, рассказывали следующее.

Большую часть пути впереди других бежал француз Лермюзио, очень сильный бегун. Казалось, он обладал большим еще запасом сил, но когда увидел, что Луис решительно его обгоняет, то это так на него подействовало, что он почувствовал себя дурно, обессилил и совсем отказался от продолжения бега. На 23-м километре упал американец; потом стали изнемогать также и другие. Их подбирали расставленные по пути амбулаторные экипажи с врачами и фельдшерами.

Везде в придорожных деревнях народ высыпал на шоссе с напитками для бегущих. Один священник, видя, что впереди бежит иностранец, бросился было на Лермюзио; только силой удержали его от безумной вспышки. Заметили деревенскую женщину, которая, в виду бегущих, кинулась на колени и с воздетыми руками молила Богородицу, чтобы Она даровала победу грекам.

О Луисе говорили, что, готовясь к состязанию, он говел с соблюдением самого строгого поста, накануне причастился и, уходя, сказал своему отцу, что его увидят или победителем, или мертвым. В публике ходили разговоры, за несколько дней еще до состязания, что на случай, если победителем окажется грек, между греческими торговцами состоялось соглашение кормить его, одевать и

брить безвозмездно в течение года. Общество афинских негодяев решило купить Луису поле близ его родной деревни Амарусси, а жители этой деревни хотят воздвигнуть колонну в память его победы. В самом стадионе одна гречанка из Смирны подарила ему бывшие на ней золотые часы с цепочкой. Потом на другой день к этому прибавляли, что одна американка предложила ему свою руку и свое состояние и пр.

В течение всех следующих дней он был предметом внимания и пощения патристически настроенных афинских жителей. Его одевали в греческий национальный костюм (фустанелла), катали, возили в театр, устраивали ему обеды, завтраки. И надо отдать ему справедливость, это нисколько (по крайней мере, в следующие дни Игр) не выбило его из колеи. Нигде и ничем он не старался выделиться. Не знаящим его в лицо его надо было показывать и, не будь он в фустанелле, многие не признали бы в нем марафонского победителя.

VI

Для полной характеристики современного атлета-любителя его недостаточно видеть только на арене; надо познакомиться с ним в обществе. В Афинах было для этого много

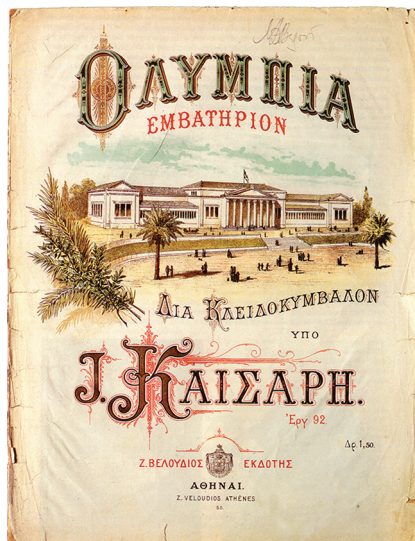
случаев, так как, по почину самого короля, эта молодежь была приглашаема нарасхват. Самыми выдающимися собраниями были: завтрак во дворце для всех участников в состязаниях; бал у г-жи Шлиман, вдовы известного археолога, и прощальный вечер в день раздачи призов в Hotel de la grande Bretagne. Трудно передать то впечатление, какое испытываешь среди этой оригинальной и очень симпатичной молодежи. Я сказал уже, что в большинстве случаев это люди, привыкшие к обществу. В этой среде даже более скромные по общественному положению, как Луис (который в таких случаях всегда был в национальном костюме), чувствуют себя как бы среди своих людей и не ощущают никакой неловкости. Потом, еще раз повторяю, ничто так не сближает людей, как известные физические упражнения. В этом отношении международные игры – воспитательное учреждение. Тут сглаживаются все племенные, национальные и партийные различия, тут все обращаются друг к другу с открытой и благо-расположенной душой.

Останавливаюсь на завтраке во дворце, потому что здесь словами самого короля было выражено то настроение, в котором находились тогда все участники в афинских празднествах. «Позвольте мне, господа, – сказал он по-французски, – высказать вам все то удовольствие, какое все мы испытали, видя вас в Греции участниками в Олимпийских играх. По тому приему, какой сделало вам население, вы сами могли убедиться, как рад был эллинский народ, принимая вас как своих гостей. Пользуюсь также этим случаем, чтобы выразить победителям мои самые горячие поздравления.

Через несколько дней вы нас оставите и возвратитесь каждый в свое отечество. Я не прощаюсь с вами, я говорю вам: «До свидания, еще раз, здесь» (Громкие возгласы «Да здравствует король!»).

Сохраните, прошу вас, доброе о нас воспоминание и не забывайте того энтузиазма и волнения, какие все мы испытали в день прибытия в стадион марафонского победителя. Королева, к несчастью, больна; она сожалеет, что не могла быть сегодня, и поручает мне высказывать всем вам ее приветствия. Пью за ваше здоровье, еще раз принося вам мою искреннюю благодарность».

Через несколько минут король снова встал и на этот раз произнес слово на греческом языке. Он засвидетельствовал блестящий успех Игр, благодарил королевича за

Олимпийский марш. Обложка к партитуре олимпийского марша, написанного И. Кайсарисом для Олимпийских игр

его труды в комитете Игр, принцев Георга и Николая за их содействие успеху этого предприятия; тепло поблагодарил секретаря комитета Филимона и всех греческих и иностранных атлетов, возвысивших блеск Игр своим присутствием. В заключение он развил ту мысль, которую вкратце и так изящно высказал раньше по-французски: «Мать и кормилица гимнастических игр в древности, Греция, предприняв празднование их в наше время перед глазами Европы и Нового Света, имеет право надеяться теперь, когда успех превзошел все ожидания, что иностранцы, почтившие ее своим присутствием, укажут на нашу страну как на место мирного соединения народов, как на твердое и постоянное место празднования Олимпийских игр».

Потом, ко всеобщему восторгу, он нашел еще приветственное слово для атлетов почти каждой национальности на их родном языке. После завтрака король и принцы провели около получаса с молодежью, положительно очарованной таким приемом.

Но особенно интересны были атлеты на блестящем балу у г-жи Шлиман.

Видеть этих молодых людей, которые за несколько часов перед тем на арене всенародно проявляли чудеса энергии, ловкости и силы, которые почти что перед самим отправление на бал в своих спортсменских костюмах железными руками охватывали друг друга в борьбе и до ссадин катались в обоюдном сопротивлении по крупному гравию арены, видеть их теперь в роскошных покаях, где совмещено все, что только могла

дать древняя и новая культура для удобства и изящества жизни, видеть их развязными светскими молодыми людьми, изысканно одетыми по-бальному, ловко танцующими и любезными в самом избранном и утонченном женском обществе, это такое новое, такое неожиданное впечатление, которое надолго не изглаживается из памяти. Невольно приходит на мысль, что, может быть, здесь-то именно, в этих чуждых нашему времени, но когда-то обычных и поэтических переходах от актов высокой энергии к умиротворяющим и облагораживающим явлениям культурной общественной жизни, и лежит разгадка той полноты жизненного содержания, к которой так страшно стремится современный человек и которой не находит, что в этих условиях более, чем где-нибудь, надо искать залога того духовного и физического равновесия, которого так должны желать в наше время родители своим детям. Я убежден, что высказываю здесь не одни только свои личные впечатления и мысли; так думали и чувствовали все бывшие в то время в Афинах.

Собрание в Hôtel de la Grande Bretagne было прощальное и очень сердечное. Сколько горячих пожатий таких рук, которые при других условиях даже не протянулись бы друг к другу, сколько обещаний встретиться на будущих Играх, сколько искренних, из души вылившихся тостов!

И вот, русский элемент отсутствовал на этих международных празднествах. Приехавший из России г. Ф. Р., рекомендовавший себя страстным спортсменом и записавшийся, было, даже на борьбу, в решительный момент, по причинам мне совершенно неизвестным, не вышел на арену. Лучше было бы, конечно, если б он и не записывался, так как этим он только лишней раз обратил всеобщее внимание на отсутствие русских. Был тут и еще один молодой человек из России; он был избран даже в состав жюри по велосипедному спорту. Но по происхождению своему он не русский, а грек из Одессы. Фамилия этого симпатичного знатока велосипедной езды – Маврокордато. Других приезжих соотечественников, привлеченных сюда собственно интересом к Играм, за все время пребывания моего в Афинах я не встречал.

VII

Закрытие Игр состоялось в стадионе, в среду 3 апреля, с такой же торжественностью, как

и открытие. У королевской трибуны на двух столах были приготовлены призы для победителей. Вокруг трибуны – атлеты, члены обоих комитетов и все, имевшие какое-либо участие в организации Игр. На ступенях амфитеатра – народ, в таком же множестве, как и в самые интересные дни состязаний. Торжество открывается одой на древнегреческом языке, сочиненной для этого случая и произнесенной самим автором г. Робертсоном, англичанином, живущим в Афинах в качестве педагога (г. Робертсон жил когда-то в Москве и недурно говорит по-русски). Имена победителей выкликаются громким голосом офицером, исполняющим роль герольда. Призы раздает им сам король: диплом, серебряная медаль и масличная ветвь из священной когда-то олимпийской рощи. Дипломы и медали, по идее и исполнению, представляют собой настоящие художественные произведения. Некоторым из победителей были выданы тут же ценные предметы, поднесенные обществами их соотечественников и отдельными лицами. В числе этих предметов заслуживает упоминания серебряный кубок, присланный из Парижа членом института Мишелем Бреалем, одним из самых ревностных распространителей идеи об Олимпийских играх, марафонскому победителю в беге. «Я не знаю, – писал Мишель Бреаль г. Бикела³, греческому члену международного комитета, – к какой нации принадлежит победитель. Но, какова бы ни была его национальность, приветствую в нем представителя эллинской традиции». Имевшие первенство в нескольких родах состязаний получили приз за каждый род состязаний отдельно. Каждый провозглашаемый радушно приветствуется толпой. При произнесении его имени музыка играет туш. После раздачи призов опять речи, между которыми особенно тепло была произнесена немецкая речь, обращенная к наследному принцу членом международного комитета от Германии доктором Гебгардтом⁴. «Вашему высочеству известно, – сказал он между прочим, – о разладе, произошедшем у нас по вопросу об участии Германии в Олимпийских играх. Нам трудно было бороться, но нас поддерживало убеждение, что мы боремся за идею истинного и прекрасного. Может быть, нам предстоит еще борьба и по возвра-

щении, но, под впечатлением этих идей, мы поведем ее с большим энтузиазмом за идею единства Олимпийских игр. Мы никому не уступим радости этих прекрасных дней. Рассказывая то, что мы видели, мы надеемся всех привлечь к вашим идеям и обеспечить более значительное число немецких атлетов на торжествах второй Олимпиады. Мы скажем в Германии много хорошего о греках. Дай Бог, чтобы греки тоже сохранили дружеские чувства к немцам». При этом доктор Гебгардт поднес наследному принцу венок с греческими и немецкими цветами.

После речей состоялось торжественное шествие победителей вокруг арены, как бы последнее представление их народу, который в течение полутора недели следил за их состязаниями и которому они решительно стали близкими людьми без различия национальностей.

В заключение король обнял наследника, поздравил его с блестящим результатом его трудов и, когда все успокоилось, торжественно провозгласил «закрытие первой Олимпиады».

Всех призов было роздано 44. Получили их 34 атлета (16 % всего числа участников). По национальностям и по родам состязаний призы распределяются таким образом: американцы — 8 человек (36 % всего числа американских атлетов), 11 призов (бег, прыжки, метание диска, кидание тяжестей, стрельба); греки, 10 человек (9 %), 10 призов (марафонский бег, упражнения на гимнастических кольцах, лазанье по гладкому канату, плавание, стрельба, фехтование, марафонское состязание на велосипедах); немцы – 5 человек (23 %), 7 призов (фуртуернер общих гимнастических упражнений, упражнения на параллельных брусьях, на горизонтальной перекладине, на деревянной лошади, борьба, лаун-теннис); французы – 3 человека (20 %), 5 призов (фехтование, велосипедные состязания); англичане – 3 человека (23 %), 5 призов (бег, поднимание тяжестей, лаун-теннис); венгерец 1 человек, 2 приза (плавание); австрийцы – 2 человека, 2 приза (плавание, велосипедные состязания); датчанин 1 человек, 1 приз (поднимание тяжестей обеими руками); швейцарец 1 человек, 1 приз (прыжок на деревянной лошади с седельными луками).

Несмотря на случайность, которой неминуемо обуславливается всякое состязание,

несмотря также на неравномерное число участников различных национальностей, полученные призы все-таки свидетельствуют до известной степени о тех родах упражнений, которые с особым успехом практикуются в той или другой стране, тем или другим народом. Так, нельзя не обратить внимания, что атлеты англосаксонской расы (американцы, англичане, австралиец) получили призы главным образом за основные упражнения атлетического спорта: бег, разнообразные прыжки, метание, работа с тяжестями; немцы отличились в турнирных упражнениях и в борьбе; французы выказали себя сильными в фехтовании и на велосипеде; австрийцы и венгерцы – в плавании. Одни только греки дали победителей почти во всех видах атлетического спорта, без сомнения, потому, что они новички и не успели еще специализироваться. Они одинаково охотно практикуют и турнен, и атлетический спорт, и фехтование, и велосипед, и плавание, и стрельбу. Потом, их было несоразмерно много и, как уже было сказано, они имели возможность тренироваться при гораздо более благоприятных условиях, чем иностранцы.

VIII

Идея возобновления Олимпийских игр принадлежит, как известно, французскому барону Пьеру де Кубертену. Он выдвинул эту идею на международном атлетическом конгрессе в Париже летом 1894 г. Конгресс принял ее единодушно, утвердил возобновление Олимпийских игр и, по предложению одного из своих членов, известного греческого писателя Бикела, вошел в сношение с греческим правительством о том, чтобы первые возобновленные Игры праздновались в Греции. Таким образом, весенние афинские празднества были последствием решения международного атлетического конгресса. Представителями этого конгресса на Играх были члены международного комитета Игр. Деятельного участия в ходе афинских торжеств они не принимали. Дело было сделано, Игры состоялись, надо было предоставить полную самостоятельность греческому комитету. Не могу, однако же, умолчать здесь о том, что само пребывание членов международного комитета в Афинах заставляло членов греческого комитета, даже без всяких к тому поводов, очень ревниво относиться к независимости своих действий. Эта преувеличенная мнительность вносила даже в общее

³ Фамилия первого президента МОК по Бутовскому – Димитрий Бикела; в современных литературных источниках – Димитриос Бикелас.

⁴ Так у Бутовского – В. Гебгардт; в современных олимпийских справочниках – Гебхардт.

настроение некоторый хотя и не резкий, но все-таки нежелательный диссонанс. Барона Кубертена, присутствовавшего в Афинах, как будто забыли, так что на это обратила внимание даже местная пресса.

«Одно обстоятельство удивило нас в этой стране, где нет недостатка в памяти сердца, это то, — говорит *Messenger d'Athenes*, — что по поводу успеха Олимпийских игр благодарности и поздравления высказывались всем, кроме того, кто был их провозвестником... Воздание должного г. Кубертену, как начальнику дела, нисколько не умалило бы заслуг ни г. Филимона, бывшего правой рукой наследного принца, ни других сотрудников Его Королевского Высочества».

Тем не менее, международный комитет, в составе семи членов, собирался ежедневно, во-первых, для обсуждения в своей среде, в какой степени совершающиеся Игры отвечают намерениям и предложениям международного конгресса; во-вторых, для определения программы своих будущих действий, в особенности по образованию международного союза атлетических обществ, наконец, для определения тех центров, в которых должны иметь место предстоящие Олимпийские игры. Председательствовал в комитете (как это предначертано было на конгрессе) член от Греции г. Бикела; в день же окончания афинских Игр председательство принял на себя член от той страны, в которой предназначены следующие Игры, т. е. от Франции, барон Пьер де Кубертен.

Подробный отчет комитета об афинских Играх предполагается издать в Париже, вместе с отдельными мнениями и частными отчетами всех его членов. Привожу здесь, с некоторыми сокращениями, протокол решений, принятых комитетом в сессию весенних афинских заседаний:

«Международный комитет, исходя из того, что решение, состоявшееся на парижском конгрессе, праздновать Олимпийские игры последовательно во всех столицах мира, есть основание того дела, которое ему поручено, поставил предложить на голосование своих членов для празднования Олимпийских игр 1904 г., согласно поступившим к нему просьбам, *Нью-Йорк, Берлин или Стокгольм*. Комитет принимает также во внимание предложение г. Кемени (одного из его членов) относительно устройства в будущем Олимпийских игр в *Будапеште*.

Д-ру Гебгардту поручена редакция общего отчета об Олимпийских играх 1896 г.

Международный комитет отныне будет иметь место своего пребывания в городе, где должны праздноваться будущие Олимпийские игры. Он будет издавать бюллетень, по возможности, на трех языках: французском, английском и немецком.

Будут считаться выбывшими из состава международного комитета такие его члены, которые не доставили председателю по крайней мере одного отчета в течение года или же, без уважительных причин, отсутствовали или не прислали своих представителей на Олимпийские игры. Комитет пополняется сам собой, замещая тех из своих членов, которые из него выбывают. Он имеет право контроля над общими решениями национальных комитетов, могущими нанести ущерб учреждению Игр.

Каждый член международного комитета старается, со своей стороны, прийти на помощь посредством сбора объявлений и группировки спортивных обществ, издания бюллетеня и документов комитета.

Председатель имеет право созывать международный комитет на заседания, когда он найдет это возможным и желательным.

Афины, 31 марта 1896. Председатель Д. Бикела. Главный секретарь Пьер де Кубертен».

Оставляю этот протокол без комментариев и помещаю его здесь только как свидетельство, что организация международного центрального правления Олимпийских игр принимает постепенно более законченную форму.

Я не исполнил бы своего долга, если бы не посвятил здесь несколько строк нашему уважаемому председателю г. Дмитрию Бикела. Человек очень популярный в своем отечестве, он живет, однако же, постоянно в Париже и приехал в Афины только по случаю Игр. Ему обязана Греция тем, что первые Олимпийские игры состоялись в Афинах. Предложение его было принято сначала неохотно. Тогдашний первый министр Трикупис (умерший в Каннах как раз во время афинских празднеств) был решительно против Игр, и, пока существовало сомнение в благоприятном их исходе, Бикела нередко приходилось выслушивать упреки в том, что он навязал своему отечеству неблагодарную и рискованную задачу. Но теперь, когда Игры прошли с таким успехом, авторитет и популярность его еще более возвысились.

Человек высокой светской культуры, он

был очаровательным председателем и употребил все свои старания, чтобы и Афины, и вся Греция представились наилучшими своими сторонами его сочленам. И он вполне успел в этом. Каждый из нас, вспоминая об афинских днях, наверное, свяжет их с воспоминаниями о симпатичной личности г. Бикела. Никто из нас не забудет также, что главным образом благодаря ему международный комитет как корпорация сразу занял почетное положение среди съехавшихся в Афины гостей, а членам его широко открылись гостеприимные двери афинского общества. Наконец, всякий из нас с удовольствием припомнит и радушный дом г. Бикела в Университетской улице, где происходили наши собрания и где, благодаря именно задушевности хозяина, мы так легко соединились в дружеский кружок.

Рядом с г. Бикела как лицо, сделавшее все от него зависящее для того, чтобы Игры прошли с подобающим им блеском, должен быть поставлен г. Тимолеон Филимон, секретарь греческого комитета Игр. Необыкновенно деятельный, выдающийся администратор, высокоталантливый оратор, он был как бы той основной пружиной, которая все приводила в движение и без которой весь механизм пришел бы в расстройство. И надо отдать ему справедливость, во всем этом им руководило, по-видимому, не личное самолюбие, а горячий патриотизм.

— Тебя видели везде спешащим, действующим, убеждающим, советуемым, поощряющим для успеха дела, — сказал ему всенародно один из городских сановников во время заключительного шествия после закрытия Игр, — мы знаем также твою деятельность в комиссиях под председательством нашего популярного наследника престола... Теперь, взволнованные и расстроганные, мы выражаем тебе, присутствующие и отсутствующие, искреннюю и горячую благодарность.

К этой благодарности, без сомнения, мысленно присоединяются и все иностранцы, видевшие плоды неутомимой работы г. Тимолеона Филимона.

IX

Игры кончились. Гости уехали, унося с собой хорошие воспоминания об этом новом для нашего времени торжестве, настоящем празднике молодости, об этих светлых весенних днях под южным небом, о гостеприимстве и радушии хозяев. Город принял свой

будничный вид. Площади и улицы опустели; только дети продолжают еще забавляться на них воспроизведением марафонского бега и метания диска.

Но и хозяева остались вполне удовлетворенными. Возобновленные Олимпийские игры являлись для Греции как бы откровением. По географическому своему положению и по другим условиям это маленькое государство стояло до сих пор почти в стороне от международных интересов цивилизованного мира. И вот теперь, впервые со времени своей независимости, оно выполнило (хотя и в небольшом деле) международную роль, и выполнило ее с блестящим успехом. Оно сумело достойно принять международных гостей; оно воздвигло для этого торжества монументальные сооружения, классические формы которых сами по себе заставляют соединять в одно представление эти возобновленные Игры со славными Играми Древней Греции; наконец, эта маленькая страна дала такое число атлетов, какого не дало ни одно государство, и эти атлеты оказались победителями в самых трудных и рискованных упражнениях. Понятно, какое это должно было вызвать удовлетворение, какой подъем патриотического чувства. Потом, эти международные Игры сделали и еще одно дело. Они дали возможность народу воочию видеть, с каким сердечным интересом, с каким участием трудились для этого народного дела члены королевской семьи. Во все продолжение Игр лица эти были постоянно на виду у народа, жили одной с ним жизнью. Понятно, как это должно было способствовать сближению королевского дома с народом, способствовать подъему популярности королевских принципов и самого главы королевского дома.

Но Игры кончились. Стадион остается пустым. Когда-то он вновь наполнится теми десятками тысяч ликующего народа, которые вчера еще густо покрывали его ступени, да и наполнится ли вновь когда-нибудь? Эти десять дней международной жизни, так поднявшие греков в их собственном самостоятельном знании, возвратятся ли они когда-нибудь для Афин? Слабый отголосок этих не вполне еще формулированных вопросов начал слышаться за несколько дней еще до окончания Игр. И наконец, он вы-

лился в определенную форму: почему бы Игры не устраивать и на будущее время в Афинах? Здесь уже все для них готово, и готово в таких размерах, до каких, без сомнения, никогда не могут прийти приспособления в других странах. Где вы найдете возобновленные остатки грандиозных древних памятников, предназначавшихся в свое время именно для этого дела? Где в финансовом мире найдется другой идеалист, подобный Аверову, способный жертвовать на такое неустановившееся еще в общественном мнении дело миллионы? В других странах все приготовления могут иметь, в лучшем случае, только временный, выставочный характер; здесь же Аверов вновь гарантировал правительству все необходимые средства для окончания стадиона. Где вы найдете, наконец, центр, как Афины, чуждый каких бы то ни было политических пристрастий и антипатий, и народ, с таким единодушным и бескорыстным интересом следящий за ходом состязаний?

Мы слышали уже эту идею в прекрасных речах короля за завтраком атлетов. «Я не прощаюсь с вами, я говорю вам: до свиданья, еще раз, здесь!» Но замечательно, что это было выражением не одних его личных чувств, а горячего желанья всей греческой интеллигенции, присутствовавшей на Играх.

Международный комитет по необходимости должен был относиться с большой сдержанностью ко всему этому движению. Он только исполнитель предначертаний конгресса и не может изменять его решения относительно передвижного характера международных Игр. Тогда у греков сложилась такая комбинация: они хотят праздновать у себя международные Игры в промежуток между Играми в других государствах. Именно, они предполагают праздновать у себя будущие Игры в 1898 году, потом в 1902 году и т. д., словом, так, чтобы международные собрания повторялись через каждые два года, раз в Афинах и раз в одном из других центров, по назначению конгресса. В древности Пифийские игры таким же образом чередовались с Олимпийскими, но греки настойчиво хотят сохранить название Олимпийских игр именно за теми, которые будут праздноваться в Афинах. Говорят, что греческое правительство решительно примкнуло

к общественному мнению и готовит уже проект закона об учреждении периодических конкурсов в стадионе, открытых также и для иностранцев.

Как это все упрядочится в будущем, теперь еще трудно сказать. Но и то удовольствие, какое вынесли иностранцы из Афин, и тот подъем духа, какой вызвали Игры в самой Греции, и это желание греков удержать Игры на будущее время у себя, все это показывает, что идея международных Олимпийских игр была не такой уже пустой и праздной идеей, какой ее старались выставить иные господа, щекотливые к новым словам и тугие на новое дело.

Периодическое повторение международных Игр на будущее время обеспечено. Если бы даже, по политическим причинам или по другим обстоятельствам, которых в настоящее время нельзя и предвидеть, эти Игры стали в будущем утрачивать свой широкий международный характер, то ведь Панафинейский стадион останется стоять во всем своем величии многие столетия, воспоминание о весеннем торжестве 1896 г. надолго останется жить в памяти греков, путь в Грецию со всех концов мира теперь уже известен атлетам, что же помешает этому маленькому государству вновь сделаться постоянным всемирным центром, гостеприимно собирающим у себя, для мирных состязаний, такие международные элементы, соединение которых на другой почве и при других условиях было бы невыносимо? В Греции только об этом и мечтают. Но так ли это будет или иначе, идея международных Игр была счастливой идеей. Она ответила насущной потребности современного человечества, потребности физического и нравственного возрождения молодого поколения.

Признаем же долю заслуги на пользу этого дела и за молодым французским деятелем, бароном де Кубертеном, который первый выдвинул идею международных состязаний на парижском конгрессе 1894 г., и за конгрессом, который единодушно принял эту идею, и наконец, за греческим правительством, которое взяло на себя трудную задачу осуществления этой непопулярной еще в то время идеи и выполнило эту задачу с таким выдающимся успехом.